

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

*От великого Конде
до Короля-Солнце*

Ги Бретон
От Великого Конде
до Короля-Солнце
Серия «Истории любви в
истории Франции», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121529

*История любви в истории Франции: Т. 4. От Великого Конде до
Короля-Солнце / Пер. с фр. В. В. Егорова.: КРОН-ПРЕСС; Москва; 2012
ISBN 978-5-480-00059-7, 978-5-480-00186-0*

Аннотация

Ги Бретон отмечает: в одном из своих персидских писем Монтескье писал: «...Когда я приехал во Францию, покойным королем полновластно управляли женщины, а между тем, если принять во внимание его возраст, я думаю, что он нуждался в них меньше всех других монархов в мире... В Персии жалуются на то, что государством управляют две-три женщины. Гораздо хуже обстоит дело во Франции, где управляют женщины вообще и где они не только присваивают себе целиком всю власть, но и делят ее между собою по частям.» Ради коротенького «да» любимой женщины государственные мужи объявляли войны, запрещали

религии, принимали абсурдные законы, то есть вершили историю под влиянием страсти к даме сердца.

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ги Бретон

От Великого Конде до Короля-Солнце

Наиболее серьезные изменения в политике государств обычно происходят под влиянием эсениции, а войны, столь губительные для королевств и империй, – лишь следствие влияния их красоты или хитрости.

Мадам де Моттевиль

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR DE L'HISTOIRE DE FRANCE

Иллюстрации – Ксения Салина

Дизайн переплета – Александр Архутик

В оформлении использован фрагмент работы Франсуа Буше «Мадам де Помпадур»

«...В Париже или провинции нет ни одного должностного лица, не имеющего любовницы, которая щедрой рукой не раздавала бы милости или же порой не творила бы несправедливости. Все эти женщины тем или иным образом оказались связанными друг с другом, образуя государство в государстве или же своего рода республику, граждане которой считали своим долгом оказывать ближнему всяческую помощь. И если кто-нибудь начнет анализировать действия министров, судей, прелатов, учитывая влияние женщин, с ко-

торами они связаны и которые на самом-то деле ими управляют, он уподобится человеку, который видит, как работает машина, но не имеет ни малейшего понятия о пружинах, приводящих ее в действие...

В Персии часто можно было услышать жалобы на то, что королевством правят две или три женщины. Но сложившаяся там обстановка не идет ни в какое сравнение с тем, что делается во Франции, где всесильные женщины, не ограничившись общим руководством, взяли на себя всю полноту власти».

В сто седьмом персидском письме Монтескье¹ сообщал своему другу Рика:

«Приехав во Францию, я убедился, что, хотя король и находился в том возрасте, когда уже давно не думают о женщинах, он все еще оставался марионеткой в их руках. В разговоре со мной одна придворная дама сказала: “Я переговорю с министром, чтобы он сделал что-нибудь полезное для этого молодого полковника, достоинства которого мне хорошо известны”. Я был также свидетелем того, как другая дама заметила: “Удивительно, как этот молодой аббат до сих пор еще не стал епископом. Я думаю, что следует ему помочь. С самого рождения он обладает всеми лучшими мужскими качествами, а я могу поручиться за его высокую нравственность”.

Но ты не думай, что эти дамы были фаворитками принца. Они, возможно, за всю свою жизнь и говорили-то с ним от силы раза два, и в этом нет ничего страшного — европейские принцы не чурались общения с прекрасными дамами. Просто дело в том, что при дворе, в Париже или провинции нет ни одного должностного лица, не имеющего любовницы, которая щедрой рукой не раздавала бы милости или же порой не творила бы несправедливости. Все эти женицины тем или иным образом оказались связанными друг с другом, образуя государство в государстве или же своего рода республику, граждане которой считали своим долгом оказывать ближнему всяческую помощь. И если кто-нибудь начнет анализировать действия министров, судей, прелатов, учитывая влияние женицин, с которыми они связаны и которые на самом-то деле ими управляют, он уподобится человеку, который видит, как работает машина, но не имеет ни малейшего понятия о пружинах, приводящих ее в действие.

Считаешь ли ты, Иббен, что женицины становятся любовницами такого-то министра из одного лишь непреодолимого желания ему отдаться? Ничего подобного! Они делают это скорее всего для того, чтобы получить возможность подсовывать ему каждое утро пять или шесть прошений. И их природная доброта проявляется в готовности помочь многим несчастным людям, которые со своей стороны обеспечивают им ренту в сто тысяч ливров.

В Персии часто можно было услышать жалобы на то, что королевством правят две или три женщины. Но сложившаяся там обстановка не идет ни в какое сравнение с тем, что делается во Франции, где всемогущие женщины, не ограничившись общим руководством, взяли на себя всю полноту власти».

*Париж, писано в последнюю луну Шалваля ²,
1717 г.*

Не знаю, что можно еще добавить к столь замечательному письму...

Глава 1

Состояла ли Анна Австрийская в тайном браке с Мазарини?

Невозможно даже представить, какую глупость могут совершить мужчина и женщина, если им приходится скрывать свои близкие отношения...

Андре Фабре

Чувствуя приближение смертного часа, 20 апреля 1643 года Людовик XIII призвал в свои покои членов парламента³ и в присутствии Анны Австрийской зачитал им свое завещание, значительно ограничивающее права королевы и одновременно унижающее ее достоинство:

– До достижения совершеннолетия моего сына управлять королевством будет регентский совет, в котором королева-мать будет иметь лишь один голос, а решение будет считаться принятым, если за него проголосует большинство присутствующих на заседании членов совета.

При этих словах Анна Австрийская побледнела, а в комнате воцарилась гнетущая тишина.

Уже давно при дворе ни для кого не было секретом, что Людовик XIII не доверял своей супруге, но никто раньше не мог даже предположить, что он публично откажет ей в

праве на регентство. Члены парламента еще не пришли в себя от удивления, когда король добавил слабеющим голосом, что «королева промотает все королевство, как это сделала в свое время его покойная королева-мать, если она станет регентшей»⁴. Последние слова окончательно привели в замешательство членов парламента.

Но государь тут же потребовал, чтобы Монсиньор и Анна поставили свои подписи под только что зачитанным завещанием, к которому он заранее сделал приписку:

«Все, что написано выше, является моей последней волей и должно быть непременно выполнено».

Королева молча повиновалась, считая, что покои умирающего не лучшее место для споров. Однако уже на следующий день после кончины Людовика XIII, последовавшей 15 мая, обратилась в парламент с требованием аннулировать королевское завещание, заявив, что берет на себя «всю ответственность за свободное, полное и неограниченное управление делами королевства» до достижения Людовиком XIV совершеннолетия «с предоставлением ей права подбирать себе в помощь честных и опытных людей в необходимом ей количестве для обсуждения вопросов государственного управления на заседаниях совета... не принимая на себя обязательства подчиняться большинству».

Что, по сути дела, напоминало настоящий государственный

ный переворот.

* * *

Сразу же после смерти Людовика XIII⁵ в Версаль начали возвращаться бывшие ранее в опале придворные: мадам де Шеврез, мадемуазель де Отфор, Лапорт, мадам де Сенеси и другие... И не узнали свою королеву. Она уже успела в полной мере ощутить всю тяжесть выпавшей на ее долю ответственности и совсем не была похожа на ту апатичную и беззаботную женщину, какой они ее привыкли видеть раньше.

Но Анна Австрийская отнюдь не стремилась к власти, нарушив волю своего мужа. Она преследовала единственную цель: поставить во главе королевства своего любовника...

Когда встал вопрос об избрании нового премьер-министра, у придворных и членов парламента не было никаких сомнений в том, что на столь ответственный пост будет назначен епископ Огюстен Ротье из Бове, который, по общему мнению, являлся самой подходящей кандидатурой. Ибо, как писал кардинал Ретц в своих «Мемуарах», «он был дубиной в епископской митре и самым глупым из всех глупцов».

Но премьер-министром неожиданно для всех стал Мазарини⁶.

«Весь Париж терялся в догадках, – писал Сотро де Марси. – Никто не знал, на какие рычаги нажал кардинал, чтобы

удержаться у власти. Ведь он не раз всенародно заявлял, что собирается вернуться в Италию. Но после того, как камердинер королевы Лапорт опубликовал свои “Мемуары”, ни у кого не осталось сомнений в том, что с самого начала королева находилась в сговоре с кардиналом. Именно с этого времени и пошли слухи о любовной связи Анны Австрийской с Мазарини, который был, кстати, очень видным мужчиной»⁷.

А простые парижане, всегда острые на язык, стали утверждать, что Мазарини сотрясает государство всякий раз, когда начинает играть на своей «дудочке». Повсюду распевались куплеты непочтительного содержания:

Мазарини – хитрый элемент,
А его природный инструмент
К нападению готов в любой момент.
И хотя не причиняет он урона,
От ударов сотрясается корона.

В самом деле все считали, что отношения, установившиеся между сорокадвухлетней королевой и итальянцем, которому уже исполнился сорок один год, носят отнюдь не платонический характер. В Париже открыто высмеивали их любовную связь, а студенты Латинского квартала, которые во все времена отличались независимостью суждений, называли регентшу не иначе как шлюхой кардинала. Вскоре это прозвище было подхвачено кумушками Центрального рынка и всеми мелкими торговцами. И только тогда мадемуазель

де Отфор сочла необходимым сообщить Ее Величеству, «что по городу ходят нехорошие слухи».

Реакция Анны Австрийской на эти слова была довольно любопытной. Мило улыбнувшись, она произнесла:

– Все эти разговоры не имеют под собой никакой почвы. По той простой причине, что кардинал не любит женщин. Ведь он родом из страны, где предпочитают кое-что другое.

Вот так, ни секунды не колеблясь, регентша решила навсегда отвести от себя все подозрения, обвинив своего любовника в содомском грехе.

Однако было бы наивным полагать, что нашлись люди, которые приняли ее слова за чистую монету. И Лапорт и мадам де Бриен продолжали информировать Анну о том, что ее взаимоотношения с кардиналом продолжают оставаться основной темой едких куплетов. Но если королевский камердинер не добился большого успеха по сравнению с мадемуазель де Отфор, мадам де Бриен, напротив, выслушала несколько откровений королевы:

– Хочу тебе признаться в том, что я люблю его, – сказала королева, покраснев до корней волос, – и люблю нежно; но мое отношение к нему не из области чувств; один лишь мой разум преклоняется перед мощью его интеллекта⁸.

И тут же поклялась на ковчежце со святыми мощами, что никогда впредь не будет вести разговоры с Мазарини на темы, выходящие за рамки государственных дел.

Но в тот же вечер она открыла кардиналу дверь своей

спальни, и он, как всегда, не обманул ее ожиданий, доставив ей немало приятных мгновений.

Вспоминала ли она о своей клятве и расспрашивала ли кардинала о победе, одержанной под Рокруа, в тот момент, когда он вольно с ней обращался?

Трудно сказать.

* * *

В начале октября 1643 года по Парижу распространился слух о том, что Мазарини выиграл в карты особняк Тюбеф, находившийся на месте нынешнего здания Национальной библиотеки.

Это событие послужило поводом для нелестных шуток в адрес регентши.

Но когда в городе узнали, что премьер-министр выехал из особняка Клев, располагавшегося рядом с Лувром, чтобы поселиться на улице Тюбеф, простой народ не преминул шумно выразить по этому поводу свое мнение:

– Значит, у них не заладилась семейная жизнь, – оживленно судачили кумушки. – Королева и кардинал должны, по всей видимости, скоро расстаться.

Но они ошибались. 11 октября Анна Австрийская, желая как можно быстрее оказаться поближе к премьер-министру, покинула Лувр и переехала во дворец Пале-Кардиналь, который Ришелье в свое время завещал королю. Отныне Ма-

зарини не составляло большого труда незаметно через сад проникать в дом королевы. Теперь он мог каждый вечер без помех «отсыпать меру овса» вдове Людовика XIII.

Бедняжка, лишенная в течение столь долгого времени мужской ласки, всякий раз ожидала прихода кардинала с плохо скрываемым нетерпением. Прижавшись лбом к оконному стеклу, она напряженно всматривалась в темноту сада, вздрагивала и бледнела, заслышав шаги Мазарини, ступавшего по дорожке, покрытой увядшей листвой.

Но однажды он не пришел. Обеспокоенная королева послала на улицу Тюбеф верного Лапорта, не раз приходившего в свое время ей на выручку в подобном деликатном деле. Вернувшись, камердинер принес страшную весть: кардинал заболел желтухой.

Однако несчастье, приключившееся с Мазарини, только развеселило народ, который усмотрел в этой болезни кару небесную. И снова среди простых людей стали ходить бесхитростные шуточки относительно добродетельной Анны Австрийской.

– Без причины не пожелтеешь, – злорадствовали они.

И Анне Австрийской в который уж раз пришлось закрывать рот сплетникам.

Чтобы покончить со слухами, ходившими о ней и кардинале, 10 ноября на заседании парламента она заявила, что «у нее несколько раз на день возникает необходимость обсудить с кардиналом вопросы государственной важности, но,

принимая во внимание его болезнь, из-за которой тому трудно часто ходить через сад Пале-Рояля, она решила предоставить Мазарини апартаменты в своем дворце, что позволит ей постоянно иметь его под рукой для решения неотложных дел».

«Решение королевы, – писал в тот вечер Годен, – было одобрено министрами и встречено аплодисментами»⁹.

Министры имели все основания для аплодисментов: наконец-то любовники зажили вместе под одной крышей.

Кардинал поселился в обширных апартаментах, выходивших на улицу Бон-Анфан. И для того чтобы попасть к королеве, ему надо было лишь воспользоваться тайным переходом, о котором упоминает принцесса Палантинская в своих воспоминаниях.

Неожиданная для всех перемена, произошедшая в поведении королевы, которая еще за две недели до этого краснела лишь при одном упоминании Мазарини и всеми, даже самыми неожиданными способами пыталась скрыть свою связь с кардиналом, настолько удивила придворных, что они вскоре начали поговаривать, будто Анна Австрийская и первый министр сочетались тайным браком¹⁰. Вот так возникла историческая загадка, над разгадкой которой будут ломать головы в будущем целые поколения историков.

Прежде чем, в свою очередь, поразмыслить над этой историей, послушаем, что говорили по этому поводу современники.

Одни ограничивались лишь постановкой проблемы. Автор опубликованного в 1649 году «Ходатайства о пересмотре судебного решения» писал, например, о королеве и кардинале: «Если они действительно связаны узами брака, а их брачный контракт был освящен главой миссии отцом Венсеном¹¹, они вправе делать все, что хотят, и даже то, что следует скрывать от нас».

В другой появившейся в том же году книге «Секрет, о котором знали все» прослеживается аналогичная мысль: «Почему так бранят королеву за ее любовь к кардиналу? Разве она должна поступать по-другому после того, как вышла за него замуж, а отец Венсен одобрил и подписал их брачный контракт?»

Другие высказывались более категорично. Так, доктор теологии Марк-Антуан Деруа, аббат Лединьяна и каноник Алеза, несколько не сомневался в том, что брак был на самом деле заключен. В своем любопытном труде «Героическая муза, или Зарисовки самых памятных деяний Его Преосвященства в разное время и в разных обстоятельствах» он представляет кардинала тайным супругом Анны Австрий-

ской.

И наконец, принцесса Палантинская уверенно заявляет в своих «Мемуарах», нисколько не сомневаясь в собственной правоте: «Королева-мать, вдова Людовика XIII, не желая быть просто любовницей, вышла замуж за кардинала Мазарини, который не был посвящен в сан священника и поэтому не принимал обета безбрачия. А кроме того, известны все обстоятельства их совместной жизни. До сих пор в Пале-Рояле существует тайный ход, через который кардинал каждую ночь навещал королеву в ее покоях. И старуха Бове, первая камеристка королевы, ее самое доверенное лицо, была посвящена в тайну их бракосочетания».

На первый взгляд достаточно приведенных здесь фактов, чтобы у читателя не осталось сомнений в том, что королева и кардинал состояли в тайном браке. Но существует еще более убедительное свидетельство самого Мазарини. 27 октября 1651 года кардинал, будучи в изгнании, отправил регентше зашифрованное письмо, в котором есть строки, придающие особый вес словам принцессы Палантинской:

«Я уверен, что, когда известные Вам люди объединятся с теми, кто добровольно сложил с себя обязательства по отношению к морю¹², они выступят против него и постараются сделать все возможное, чтобы настроить 44¹³ против него. Но они не смогут добиться поставленной цели

лишь потому, что +и*¹⁴ связаны друг с другом узами, которые, а Вы в этом со мной полностью согласны и неоднократно мне это подтверждали, выдержат испытание временем и устоят перед натиском любых обстоятельств.

Я прочитал письмо Серафина¹⁵, адресованное 46¹⁶, которое заканчивается словами, лучшие которых найти, наверное, невозможно, ибо он (в письме употребляется «он» вместо «она», а имя Сера-фин стоит в мужском роде) писал, что, если бы он стоял на пороге смерти, его последняя мысль была бы о + (любовь к Мазарини). Вы не можете себе представить, как эти слова прилились кстати. Кажется, сам Бог вдохновлял Серафина при написании этого письма, так как оно пришло как раз в тот момент, когда надо было облегчить страдания Н¹⁷. И можно понять состояние этой малышки¹⁸, которая вначале вышла замуж, несмотря на все препятствия, стоявшие на ее пути, а потом была вынуждена уехать¹⁹. Будем все же надеяться, что ничто не помешает ей увидеть его, чего * желает более всего в жизни».

* * *

Похоже, Мазарини и Анна Австрийская действительно сочетались тайным браком. Уже одним доказательством тому может служить отношение духовенства к королеве. Бу-

дучи очень набожной женщиной, Анна Австрийская часто навещала монахинь монастыря Вал-де-Грас. «И святые женщины, – писал Жюль Лаузелер, – на протяжении многих лет закрывали глаза на ее любовную связь, хотя, узнав о ней во время исповеди, они должны были бы посчитать ее преступной и отвернуться от королевы, что само по себе кажется неправдоподобным».

А так как будущий св. Венсен де Поль продолжал оставаться духовником королевы и ни на день не прерывал исполнения обязанностей священника, следует предполагать, что тайное бракосочетание узаконило отношения двух именитых особ²⁰.

Теперь нам остается только узнать, почему в такой тайне держался этот союз – ведь сообщение о замужестве регентши положило бы раз и навсегда конец всем оскорбительным слухам. И не было видимых препятствий для оглашения такого важного события в жизни королевы. Граф де Сен-Орер, выслушав сторонников подобного подхода к данной проблеме, выдвинул веский аргумент: «Сохранение тайны отвечает политическим интересам государства и позволяет избежать большого скандала, ибо общественное мнение, снисходительное к любой внебрачной связи, никогда бы не простило королеве ее брака с кардиналом; более того, простые люди, для которых браки заключаются на небесах, возмутились бы гораздо больше при мысли, что Мазарини останется министром до конца своих дней...»²¹.

Глава 2

Каким образом два любовных письма послужили причиной разделения двора на два враждебных лагеря

Переворот в сердце женщины почти всегда предвещает беспорядок в делах.

М. Томас

Пока Анна Австрийская и кардинал в поисках кратчайшей дороги в рай выходили на не предусмотренный катехизисом путь, усилиями нескольких красивых женщин двор превратился в настоящее осиное гнездо.

«Во Франции, – писал один из историков XVIII века, – царила анархия. Праздники и войны, анекдотические любовные похождения и заговоры против правительства следовали один за другим. И причиной всей этой неразберихи были женщины. В ту эпоху они были охвачены какой-то болезненной жадой политической деятельности, проявляющейся в обычных условиях в виде программных установок тех или иных партий, в которых женщины по складу своего характера должны были бы занимать, вопреки бытующему мне-

нию, ведущее место. Все без исключения придворные дамы в соответствии со своими пристрастиями и взглядами плели интриги, писали мемуары или участвовали в заговорах, посвящая этому делу в основном ночное время. И где бы ни находилась слабая женщина – в постели или в председательском кресле, – везде она была душой общества, готова величайшие испытания в истории человечества, при этом любовь играла решающую роль»²².

Подтверждением чему являются события конца 1643 года.

* * *

В то время при дворе самыми красивыми дамами считались мадам де Лонгвиль и мадам де Монбазон. Трудно было сыскать двух столь непохожих женщин: первая – блондинка с ангельским лицом и глазами цвета бирюзы, вторая – статная брюнетка с громким голосом и звонким смехом. Но еще больше они расходились во вкусах, привычках, политических взглядах и, главное, отличались по происхождению. Мадам де Лонгвиль была дочерью принца Конде и сестрой герцога Энгиенского (будущего Великого Конде), одержавшего только что победу под Рокруа. И вполне понятно, что ее происхождение давало ей право на благосклонность регентши и Мазарини.

Напротив, мадам де Монбазон приходилась самой моло-

дой свояченицей неисправимой мадам де Шеврез, которая без устали плела интриги против кардинала, входя в известную партию «Важных»²³, которых справедливо опасалась королева за их намерение сместить или даже убить Мазарини.

И наконец, женщины соперничали в любовных похождениях: белокурая герцогиня, отказавшаяся выйти замуж за сына герцога Вандомского герцога де Бофора, по приказу отца была выдана за старого герцога де Лонгвиля, который был старше ее на тридцать лет. А темпераментная брюнетка мадам де Монбазон одновременно была любовницей герцога де Бофора, отставного ухажера мадам де Лонгвиль, и самого господина де Лонгвиль...

Неудивительно, что обе женщины имели все причины не выносить друг друга, хотя мадам де Лонгвиль и не принимала близко к сердцу любовные похождения своего мужа. Не испытывая ни малейшей симпатии к этому старику, в постель которого ее насильно уложили еще совсем юной девочкой, мадам де Лонгвиль искренне радовалась, когда он заводил очередную любовницу. Ведь тогда и у нее появлялась возможность беспрепятственно встречаться с Морисом де Колиньи...

* * *

Эти сложные отношения продолжались довольно долго,

пока однажды во время одного из приемов у мадам де Монбазон фрейлина королевы не подобрала на ковре два кем-то случайно оброненных письма. Пробежав глазами несколько строк, она поняла, что речь в них идет о любовных делах и что написаны они женской рукой; фрейлина протянула эти любовные послания герцогине, которая не замедлила их прочесть вслух под дружный смех гостей. «Затем, — пишет мадам де Моттевиль, — на смену веселью пришло любопытство, потом последовали различные предположения, и наконец все пришли к выводу, что письма выпали из кармана только что вышедшего Колиньи, который, если верить слухам, был влюблен в мадам де Лонгвиль».

Мадам де Монбазон сразу же поняла, что у нее появилась прекрасная возможность не только испортить репутацию своей ненавистной соперницы, но и нанести удар по клану Конде, мешавшему партии «Важных» склонить на свою сторону всех придворных.

Вот текст этих писем:

«Я бы еще больше сожалела о перемене Вашего ко мне отношения, если бы действительно не заслуживала достойного к себе отношения. И пока я была уверена в подлинности и силе Ваших чувств, я дала Вам возможность извлечь все желаемые Вами выгоды из моей к Вам нежной привязанности. Теперь не надейтесь ни на что другое, кроме уважения, которое Вы заслужили вашей деликатностью. Я слыш-

ком горда, чтобы ответить положительно на клятвенные заверения в Вашей ко мне любви. А за Ваше пренебрежение к нашим встречам единственное, что я могу сделать, так это лишить Вас возможности видеть меня. Конечно, я не могу Вам приказывать, но я прошу Вас больше никогда ко мне не приходить».

К этому прощальному письму была приложена записка, написанная той же рукой:

«На что Вы рассчитываете после столь долгого молчания? Разве Вы не понимаете, что самолюбие мешает мне сохранить видимость наших отношений после того, как Вы перестали относиться ко мне с прежней любовью? Вы утверждаете, что чувствуете себя самым несчастным человеком на свете. И в этом якобы виноваты мои подозрительность и неуравновешенность. Позвольте мне не верить Вам, хотя я не в праве отрицать, что Вы действительно меня любили. Но и Вы должны, в свою очередь, признать, что мое уважительное к Вам отношение стало достойным вознаграждением за Ваши чувства. И в этом есть своего рода высшая справедливость. И в будущем я не хочу выглядеть менее благородно, чем Вы, если Ваше поведение будет соответствовать моим ожиданиям, которые Вы бы нашли достаточно разумными, если бы испытывали большое влечение ко мне. А трудности, которые Вы преодолели».

вали для того, чтобы встретиться со мной, не уменьшали, а, наоборот, распаляли Ваши чувства. Я страдаю от того, что меня лишили возможности любить. А вы страдаете, если судить по Вашим словам, от того, что слишком любите. По-вашему, надо поменять обстановку – и я найду успокоение в выполнении своего долга, а Вы, наоборот, изменяя ему, обретете свободу. Я не думаю, что забуду о том, как мы провели с Вами последнюю зиму. И в этом я с Вами так же откровенна, как и раньше. Надеюсь, что Вы последуете моему примеру, и я не пожалею о том, что приняла решение больше никогда не возвращаться к прошлому. Я буду дома три или четыре дня подряд, но увидеться со мной можно будет по известной Вам причине только вечером...»

Оба письма кажутся на первый взгляд вполне безобидными по сравнению со страстными и нескромными любовными посланиями королевы Марго.

Однако было бы заблуждением принимать за чистую монету все, что в них написано. Непринужденная манера письма – дань моде того времени, появившейся под влиянием школы Рамбуйе, – позволяла все нужное читать между строк. А люди того времени отлично умели угадывать в каждом слове заложенный в него скрытый смысл. Например, фразу «Я не думаю, что забуду о том, как мы провели с Вами последнюю зиму» следует читать: «Со сладострастием вспоминаю те изнурительные ночи, которые мы провели

вместе в моей постели...»

Мадам де Монбазон тоже следовала моде, и ее письма тоже могли бы ввести в заблуждение любого непосвященного, который легко принял бы ее за невинную девушку, мечтавшую о платонической любви, в то время как на самом деле она вела себя будто отъявленная потаскуха. Примером тому может служить следующий случай. Однажды во время бала, который давала мадам де Монбазон в своем доме на улице Барбьет, одна из фрейлин обратила внимание на подозрительное колыхание шторы из тяжелой гобеленовой ткани, закрывавшей одно из окон гостиной. Решив, что там прячется шпион Мазарини, она призвала на помощь де Гиза, который поспешил к ней с обнаженной шпагой.

Подойдя к окну, герцог резким движением откинул штору.

Открывшаяся картина повергла придворных в замешательство: мадам де Монбазон, «опираясь на подоконник, беззастенчиво занималась любовью с одним из приглашенных на бал гостей»²⁴.

Таким образом, соперница мадам де Лонгвиль прекрасно разобралась в том, что скрывалось за возвышенным любовным стилем письма. Она перевела его с большим остроумием и злорадством на всем понятный язык. А на следующий день весь Париж уже знал, что прекрасная блондинка была любовницей Мориса де Колиньи.

И тут же появились куплеты:

Госпожа де Лонгвиль, как молва утверждает,
Заниматься любовью не прочь,
И вдвойне не прав тот, кто дочь осуждает:
На мамашу равняется дочь.
Превосходна мамаша, но очень чванлива,
А дочка похожа на мать, просто диво.
И меняют мужчин они без перерыва.

Принцесса Конде, узнав о том, что мадам де Монбазон оклеветала ее дочь, обратилась с жалобой к регентше. С этого момента двор разделился на два враждующих лагеря: все «Важные» стали на сторону мадам де Монбазон, тогда как друзья Мазарини взяли под защиту мадам де Лонгвиль. Попав в довольно щекотливое положение (необходимо было вмешаться в этот спор и разрешить его), Анна Австрийская приказала провести расследование, в результате которого выяснилось, что письма были написаны не мадам де Лонгвиль, а другой придворной дамой по имени Фокроль, и адресовались не к Морису де Колиньи, а к графу де Молеврье.

Под нажимом сторонников Мазарини королева заставила мадам де Монбазон принести публичные извинения принцессе Конде.

Но «Важные» восприняли это «наказание» как вопиющую несправедливость по отношению к семействам Вандомов и Гизов и после долгого обсуждения решили устроить

покушение на Мазарини.

Вот так из-за двух любовных писем был организован заговор, который мог иметь самые тяжелые последствия для королевского трона...

* * *

В назначенный королевой день во дворце Конде появилась мадам де Монбазон. Она являла собой живописную картину: роскошное платье, шляпа, украшенная красными перьями, пальцы рук унизаны кольцами и... презрительная усмешка на губах.

Лакеи, поняв по ее надменному виду, что сейчас им предстоит увидеть интересное зрелище, поспешили занять удобные места, чтобы ничего не упустить из предстоящего спектакля.

Мадам де Монбазон проследовала в гостиную, где ее ожидала в окружении многочисленных друзей принцесса. Войдя с самоуверенным видом в зал, она смирила пренебрежительным взглядом мать соперницы и, не поздоровавшись ни с кем, начала зачитывать приколотую к вееру записку с заранее приготовленными извинениями. «Она ее читала, – вспоминает мадам де Моттевиль, – с таким презрительным выражением лица, которое, казалось, говорило: “Плевать я хотела на то, что мне приходится говорить”».

А после слов: *«Умоляю Вас поверить, что впредь я буду*

относиться к Вам с уважением и никогда более не поставлю под сомнение добродетель и достоинства мадам де Лонгвиль», — она ехидно улыбнулась, и вряд ли среди присутствующих нашелся хотя бы один человек, который не усомнился бы в искренности этих слов.

С трудом сдерживая гнев, принцесса Конде²⁵ произнесла сквозь зубы несколько ответных слов, после чего в комнате воцарилась гнетущая тишина. Не сказав ни слова, мадам де Монбазон покинула салон все с той же усмешкой на губах.

Глубоко оскорбленная поведением герцогини, принцесса Конде добилась от королевы обещания, что никогда больше не увидит при дворе мадам де Монбазон. Некоторое время спустя мадам де Шеврез устроила завтрак в саду Ренар, что находился на краю парка Тюильри. С недавних пор здесь появилась кондитерская, куда любили заходить элегантные дамы после прогулки по Кур-ла-Рен, чтобы выпить что-нибудь и отдохнуть под звуки испанской серенады. Королеве нравился этот уголок парка, и она с удовольствием приняла приглашение мадам де Шеврез, попросив принцессу Конде сопровождать ее.

— А будет ли там мадам де Монбазон?

— Нет, — ответила королева, которая была в курсе всех придворных сплетен. — Сегодня утром она приняла слабительное.

Несмотря даже на такие важные обстоятельства, как прием лекарства, мадам де Монбазон не могла пропустить та-

кой прием. И издалека слышался ее громкий голос и звонкий смех. Принцесса хотела было незаметно уйти, чтобы не портить праздник своим подругам, но королева ее удержала, найдя, как ей казалось, неплохой выход из положения. Позвав к себе одну из фрейлин, она сказала:

– Попросите мадам де Монбазон *«почувствовать себя плохо»*, чтобы она смогла уехать к себе и избежать таким образом скандала.

Выслушав столь странное пожелание королевы, герцогиня рассмеялась, произнеся несколько нелестных слов в адрес принцессы, и наотрез отказалась покинуть сад.

Разгневанная Анна Австрийская тут же удалилась в сопровождении принцессы. А на следующий день мадам де Монбазон получила приказ покинуть Париж и немедленно выехать в Рошфор, где у нее был собственный дом...

* * *

Ссылка мадам де Монбазон переполнила чашу терпения «Важных». «Они так разозлились, – писал Виктор Кузен, – что готовы были пойти на любую крайность и совершить любую жестокость». Герцог де Бофор, самолюбие которого было задето, посчитавший себя униженным и оскорбленным в любовных чувствах к мадам де Монбазон, взывал к мщению громче всех. Таким образом, витавший с недавних пор под крышей Вандомского дворца дух мести нашел себе конкрет-

ное воплощение в заговоре против Мазарини»²⁶.

На этот раз «Важные» решили времени даром не терять.

В один из вечеров, когда Мазарини направлялся на ужин к Рене де Лонгею, они расставили по пути его следования наемных убийц, приказав им убить кардинала. Семейства Вандомов, Гизов, мадам де Шеврез решили в действительности воспользоваться благоприятным моментом, когда двор оказался разделенным из-за вышеупомянутых писем на два враждующих лагеря, и одним ударом сокрушить врагов, припугнуть королеву, вернуть себе потерянные при дворе посты, добиться назначения на должность премьер-министра близкого им Шатонефа и тем самым окончательно покончить с политическим наследием Ришелье.

Со злорадством они наблюдали за тем, как кардинал сажился в свою карету. У каждого из них в голове вертелась одна единственная мысль, что уж на этот раз они окончательно избавятся от Мазарини. Но в тот момент, когда слуга уже готов был захлопнуть дверцу кареты, на пороге дворца появился старший брат короля, который неожиданно тоже решил побывать на обеде у Рене де Лонгея:

– Подождите меня, я поеду вместе с вами, – воскликнул он, смеясь. – Хороший обед, думаю, мне не повредит.

И занял место в карете рядом с кардиналом, что привело заговорщиков в полное замешательство. Как только карета скрылась из вида, они послали всадника предупредить нанятых ими людей об отмене задуманной акции.

В самом деле, они не могли допустить убийства принца крови герцога Орлеанского. Вот так любовь старшего брата короля к вкусной пище спасла жизнь Мазарини...

* * *

На следующий день до полиции премьер-министра дошли слухи о несостоявшемся покушении после того, как кто-то из наемных убийц прилюдно выразил недовольство отменой приказа.

Узнав о замышлявшемся против него заговоре, Мазарини после разговора с регентшей приказал арестовать герцога Бофора и выслать из Парижа семью Вандомов. Что касается мадам де Шеврез, то ей предписывалось сначала отправиться на поселение в Дампьер, а потом в Анжу. Шатонеф был вынужден выехать в Турен, а епископ Потье – в Бове.

Короче, «Важным» пришлось пережить много волнений. По свидетельству мадам де Монпансье «при дворе за короткий промежуток времени произошли значительные перемены, укрепившие авторитарный характер власти главным образом самого Мазарини».

А некоторое время спустя произошел курьезный случай с находившейся в ссылке в Рошфоре мадам де Монбазон, который окончательно дискредитировал партию «Важных».

Однажды вечером, когда герцогиня принимала у себя очередного любовника, к ней в комнату поднялся до этого спав-

ший этажом ниже муж, который, открыв дверь, спросил:
– Мне слышался какой-то шум. Неужели у нас завелись крысы?

– Вы правы, – спокойно ответила мадам де Монбазон. – Но не стоит беспокоиться, одну я уже поймала...

Такой ответ привел к самым неожиданным последствиям: спрятанный под простыней любовник рассмеялся, и несчастному пришлось спасаться бегством из комнаты совершенно голым под яростные возгласы рассерженного старого герцога...

* * *

В деле о письмах можно было бы поставить точку, если бы вдруг не заговорил человек, который до сих пор хранил молчание (по настоятельной просьбе мадам де Лонгвиль). Речь идет о Морисе де Колиньи, который неожиданно для всех решил защитить как свою собственную честь, так и честь своей «дамы». Не имея возможности вызвать на дуэль Бофора и Вандомов, уже отправленных в ссылку, он решил драться с последним из партии «Важных», который еще оставался в Париже, – герцогом де Гизом.

Дуэль состоялась на Королевской площади в присутствии мадам де Лонгвиль, которой очень хотелось увидеть, как Колиньи дерется из-за ее прекрасных глаз с одним из Гизов... Колиньи, однако, не повезло: после ранения, полученного на

дуэли, у него была ампутирована рука, что послужило поводом для куплетов, распевавшихся горожанами на улицах Парижа:

Госпожа де Лонгвиль, ну к чему так страдать?
Слезы портят лицо, вы должны это знать.
Осушите же глазки, перестаньте рыдать —
Колиньи скоро будет здоровым опять.
Да, просил у врага своего он пощады,
Но за это его не должны вы судить.
Он остался живым — будьте ж этому рады:
Снова вашим любовником сможет он быть.

Увы! Рана оказалась настолько серьезной, что бедняга через пять месяцев умер от гангрены.

«Вот так, — писала мадемуазель де Монпансье в своих “Мемуарах”, — закончилась эта трагичная история, нанеся серьезный удар по королевской власти и посеявшая в умах первые семена смуты и сомнения... Быть может, эта история и послужила началом всех беспорядков и волнений, которыми так богато прошлое Франции».

В самом деле, интриги, возникшие вокруг двух любовных писем, привели в конце концов к появлению Фронды...

Глава 3

Испугавшись Фронды, Конде решил найти нового любовника для Анны Австрийской

*Во времена Фронды слабый пол принял самое активное участие в шутовском заговоре.
Ж. А. де Сегюр*

В начале 1644 года поток критических стрел в адрес Мазарини поубавился. Простые люди, не имеющие привычки долго держать камень за пазухой, ограничивались лишь подмигиванием и многозначительными улыбками, смысл которых был ясен каждому. Что же касается историков, то они напишут в своих трудах, что «Мазарини был первым министром под Анной Австрийской».

Шутка, следует признать, совсем не остроумная, но достаточно скабрзная, чтобы на время отвлечь внимание парижан от каждодневных насущных проблем.

Так прошло четыре года. Но вдруг в 1648 году общественное мнение всколыхнулось с новой силой из-за небольшого дела о налогах, которое враждебно настроило парижан против человека, разделявшего ложе королевы.

Преисполненный показного рвения парламент неожидан-

но ополчился на своего первого министра, потребовав от него уменьшения податей и учреждения специальной палаты правосудия, которая «должна была заняться расследованием финансовых злоупотреблений».

Дело не приобрело бы столь широкого размаха и страсти бы постепенно улеглись, если бы не вмешательство нескольких красивых и слегка экзальтированных дам. Следует напомнить читателю, что представительницы прекрасного пола, как мы уже об этом говорили, всегда находятся в центре великих событий и более, чем мужчины, подвержены влиянию бредовых идей эпохи. А Европа в то время переживала тяжелый кризис: в Англии по инициативе Кромвеля было устроено судилище над Карлом I, которому вскоре отрубили голову, а в Турции янычары задушили султана Ибрагима. Опьяненные отравленным воздухом своей эпохи женщины, похоже, совсем потеряли голову. Без видимой причины мадам де Лонгвиль, мадам де Шеврез, мадемуазель де Монпансье, затянувшееся девичество которой чрезвычайно ее беспокоило, прекрасная Анна де Гонзаг, будущая принцесса Палантинская, с головой окунулись в политику и стали побуждать мужчин совершать то, что по всем законам им делать не следовало бы.

Вскоре этой «болезнью» заразились все дамы и незамужние девицы королевства. Благодаря Сент-Беву мы знаем, что сказал Мазарини о своих современниках-французах в беседе с первым министром Испании доном Луисом де Хоро:

«Ни одна порядочная женщина и ни одна ветреница не позволяла себе лечь в постель с мужем или любовником, не обсудив предварительно все государственные дела. Женщины, преисполненные желанием все видеть и знать, хотели быть в курсе всех событий. Но что хуже всего – они хотели все сделать своими руками, привнося смуту и неразбериху во все государственные дела. А больше всех нам ежедневно досаждали три дамы: герцогиня де Лонгвиль, герцогиня де Шеврез и принцесса Палантинская, доставлявшие нам столько хлопот и неприятностей, не идущих ни в какое сравнение с тем, что происходило при Вавилонском столпотворении».

Смута, привнесенная женщинами, была столь велика, что сегодня практически невозможно с точностью проследить за всеми перипетиями странной гражданской войны, развязанной в то время во Франции.

Под влиянием легкомысленных, слабовольных и просто капризных женщин такие мужчины, как Ларошфуко или Конде, беспрестанно меняли свои убеждения, примыкая то к лагерю сторонников правительства, то к оппозиции. Это происходило настолько часто, что один историк сравнил времена Фронды с балетным спектаклем...

Как известно, арест влиятельного члена парламента Брюсселя стал последней каплей, переполнившей чашу терпения народа. 26 августа²⁷, всего за несколько часов, парижане, выкатив на улицы из винных погребов пустые бочки, соорудили более двух тысяч баррикад²⁸.

А ранним утром 27 августа около ста тысяч парижан вышли с оружием на улицы с благословения странного священнослужителя, который, оставаясь в тени, радовался такому повороту событий.

Звали его Полем де Гонди, и был он коадьютером архиепископа Парижского. Широкой публике он будет позднее более известен под именем кардинала де Рец.

До нас дошло очень мало сведений о жизни этого человека — одного из великих смутьянов XVII века. И остался бы он до сих пор никому не известным священнослужителем, если бы не его склонность к любовным похождениям. Кстати, не упустим случая, чтобы еще раз обратить внимание читателя на влияние любви на историю Франции. В самом деле случилось так, что своим возвышением этот священник был обязан именно женщине. А история его пути наверх довольно любопытна и малоизвестна. Вот отрывок из книги одного из летописцев XVII века.

«С ранней юности знаменитый кардинал де Рец начал проявлять интерес к прекрасному полу, на что не замедлил обратить внимание его камердинер. Стремясь завоевать расположение хозяина, он постарался найти средство для удовлетворения его страсти. Поэтому все свое свободное время этот недостойный человек только и занимался тем, что искал и обольщал молоденьких девушек, прямою попадавших потом в постель его господина. Однажды ему удалось за сто пятьдесят ливров уговорить продавщицу булавоч отпу-

ститъ с ним в Исси свою четырнадцатилетнюю племянницу, девушку редкой красоты, юность и красота которой должны были быть принесены в жертву скупости и низким страстям. А для ее подготовки к ней приставили старшую сестру, которой предписывалось неотлучно находиться при девушке.

На следующий же день в Исси прибыл молодой аббат де Гонди. Увидев его, девочка густо покраснела, глаза ее наполнились слезами, и, не совладав с собой, она задрожала от страха и упала без чувств. Добродетель, где бы она ни проявлялась, всегда вызывает уважение и заставляет порок отступить хотя бы на короткое время. Увидев, в каком состоянии находится девушка, де Гонди застыл в нерешительности, а затем принялся утешать несчастное дитя, не сказав ей в тот вечер о цели своего визита.

Весь следующий день перед глазами аббата стоял нежный образ девушки, а желание вновь увидеть юное создание все более возрастало. Не в силах более сдерживать свои чувства, он устремился в Исси и торопливо попросил свою наложницу отдать ему то, на что он имеет все права. В ответ девушка попыталась убедить аббата в том, что его покарает небо, если он силой вынудит ее уступить, и что ему будет стыдно на следующий день, если он воспользуется плодами позорной сделки с ее недостойной теткой. Обливаясь слезами, она упала перед ним на колени. При виде такой добропорядочности аббат пришел в замешательство. И, проникнувшись глубоким уважением к рассудительной девушке, почувство-

вав стыд за то, что хотел лишить ее невинности, он тут же решил достойным образом устроить ее судьбу.

С наступлением ночи он посадил девушку в свою карету и повез ее к своей тетке мадам де Менелай, очень набожной женщине, которую попросил позаботиться о девочке. Тетка охотно согласилась и поместила ее в монастырь, где она и угасла восемнадцать лет спустя от чрезмерного умерщвления плоти.

Набожная мадам де Менелай была потрясена поступком своего племянника и на следующий же день рассказала о случившемся епископу Лизье.

Это был, надо признать, довольно неординарный шаг и, несомненно, правильный, так как прелат, узнав о том, что аббат добровольно отказался от намерения силой овладеть девушкой, пришел в восторг от такого благородства:

– Вот настоящий святой! – воскликнул епископ. – Он заслуживает поощрения. Я расскажу о нем королю и кардиналу Ришелье.

И в тот же вечер поведал государю историю, приключившуюся с племянницей торговли булавами.

Людовик XIII, высоко ценивший в людях честность и порядочность, проникся симпатией к аббату де Гонди и накануне своей кончины попросил королеву перевести его в Париж.

Вот так слезы юной девы помогли возвыситься молодому аббату, который теперь сможет полностью проявить свои

недюжие способности обольстителя и разжечь во Франции пожар гражданской войны²⁹».

Коадьютер, мечтавший основать и возглавить одно из политических движений и стать хозяином Парижа, сумел вскоре в полной мере показать, на что он способен. Пока парижане натягивали поперек улиц железные цепи, называя друг друга фрондерами по названию любимой среди парижской детворы игры, он, надев свою праздничную сутану, в тиши своего кабинета строил планы, которые позволили бы ему избавиться от Мазарини.

Но кардинал вовремя почувствовал нависшую над ним опасность. В шесть часов утра 13 сентября он, уложив багаж, поспешно выехал вместе с Анной Австрийской и дрожащим от страха маленьким королем в Сен-Жермен-ан-Лей.

Узнав о бегстве регентши и кардинала, разгневанные парижане выместили свое недовольство в нецензурных куплетах. На улицах проходим раздавались листовки непристойного содержания. В одной из листовок, называвшейся «Говорящая королевская шкатулка», Анна Австрийская обвинялась в том, что переняла у Мазарини некоторые пороки, которыми, по мнению людской молвы, «славились» итальянцы.

Преступление ее ужасное,
Это нам всем хороший урок.
Поведясь с итальянцем, несчастная

В итальянский впала порок.

* * *

Подписание 24 октября Вестфальского договора³⁰ вернуло Мазарини немного уверенности в себе, и он привез регентшу и юного короля обратно в Париж.

Такой поворот событий не устраивал коадьютера. Теперь ему было необходимо найти пользующегося достаточным влиянием человека, который смог бы успокоить горожан и одновременно встать во главе партии. Вначале он обратился к Конде. Но победитель в битве под Рокруа, также не испытывавший особой любви к Мазарини, ответил отказом на его предложение, посчитав его опасным для королевского трона, и принял сторону регентши.

Разгневанный Поль де Гонди решил тогда привести под знамена Фронды родного брата Конде – принца Конти.

Не отличавшийся большим умом принц (которого сам коадьютер называл «нулем, не подлежащим умножению только по той простой причине, что этот нуль – принц крови») еще со времен своего отрочества любил свою сестру мадам де Лонгвиль, от которой до сих пор был без ума. Его страсть была так сильна, что он носил на руке одну из ее подвязок. Это дало повод некоторым придворным сплетникам судачить о том, что потрясенная до глубины души проявлением

столь сильных чувств мадам де Лонгвиль «иногда оказывала ему некоторые знаки внимания»...

Зная об этих разговорах³¹, Поль де Гонди нанес однажды визит к мадам де Лонгвиль и навел ее на мысль об участии во Фронде.

Прелестная герцогиня всерьез заинтересовалась его предложением. Давно мечтавшая увидеть Конде регентом на месте Анны Австрийской, она, обрадовавшись прекрасной возможности воплотить свои мечты в жизнь, пообещала ввести Конти в состав коалиции.

А вечером ей стоило только намекнуть, и ее брат тут же согласился с ней.

Решив польстить самолюбию этой влиятельной дамы, коадьютер предложил проводить заседания партии в ее доме. И почти каждый вечер у нее в Нуазиле-Руа собирались маршал де Ламот, герцог Бульонский, брат Турен, Бофор, Конти и ряд других лиц.

Все мужчины только говорили и спорили, упражняясь друг перед другом в остроумии, — одним словом, готовились, оттачивая свой язык, предать Францию огню и мечу...

Само собой разумеется, коадьютер не мог не влюбиться в герцогиню с глазами цвета бирюзы. «У меня, — говорил он, — в моем сердце еще есть достаточно места между мадам Гемене и мадам Помере³². Я не могу сказать, что она благосклонно восприняла мои ухаживания. Но будьте уверены, что даже перспектива получить отказ не остановила бы моих устрем-

лений, которые были вначале вполне определенными»³³.

Однако из осторожности он посчитал разумным на время отказаться от своих намерений по отношению к герцогине, брат которой Конти был так необходим Фронде. Не следовало также сбрасывать со счетов и ее мужа господина де Лонгвиля и любовника Ларошфуко (автора «Изречений»)³⁴, которые могли бы оказаться полезными общему делу...

В то же самое время, обеспокоенная усилением оппозиции, Анна Австрийская вызвала войска под командованием Конде, занявшими позиции вокруг Парижа. А в ненастную ночь с 6 на 7 января 1649 года вместе с Мазарини и юным королем под порывами ледяного ветра снова покинула Париж и отправилась в Сен-Жермен.

Ее поспешный отъезд удивил парижан. Уже на следующий день кумушки делились новостью:

– Они от нас уехали, чтобы спокойно заниматься своими мерзостями в деревне!

– В любом случае в такую холодную погоду они не смогут оголить свои задницы, – говорили другие.

Но шутки вскоре прекратились после того, как усилиями агентов Гонди по Парижу распространился слух:

– Регентша окружила город войсками, что бы уморить нас голодом! Это объявление войны.

И тут все началось сначала.

Поселившись в одном из домов на той же улице, где жила мадам де Лонгвиль, коадьютер стал вновь через своих наем-

ных агентов призывать народ к гражданской войне. Каждый раз, когда ему сообщали об убийстве кого-либо из сторонников Мазарини, он испытывал в душе тайное удовольствие, с напускной благочестивостью преклонял колени и сотворял благодарственную молитву...

На этот раз он более тщательно разработал план действий. В его распоряжении в то время находились хорошо вооруженные отряды. Превосходно зная вкусы парижан, он приказал отпечатать тексты наиболее злобных песен и непристойных куплетов о Мазарини, за что лицемерно извинился перед своими друзьями. Но для этого ему нужны были деньги, и он обратился за помощью к Испании, готовой финансировать политические акции, способные привести к беспорядкам во Франции.

О таком явном предательстве государственных интересов простые люди, разумеется, не знали. Доведенные при помощи нескольких «революционных» песен до фанатизма, парижане строили баррикады, свято веря, что выступают «против тирании»³⁵.

Однако Поль де Гонди с некоторых пор начал понимать, что ошибся, полагая, что идея гражданской войны найдет широкую поддержку у населения. Обеспокоенный таким неожиданным для него открытием после тщательного расследования, он выяснил, что парижане подозревают союзников в двойной игре.

Для их успокоения необходимо было предпринять сроч-

ные меры. И коадьютер нашел довольно удачное решение: направив принца Конти, герцога де Лонгвиля, герцога Бульонского и маршала де Ламота в помощь парламенту, он поселил мадам де Лонгвиль вместе с герцогиней Бульонской и их детьми в здании городской ратуши, превратив в заложниц, отвечавших головой за верность Фронде их мужей. Уловка удалась на славу. В одно мгновение Париж преобразился. По свидетельству Сотро де Марси, у горожан не осталось сомнений в лояльности союзников. «Толпы людей заполнили Гревскую площадь, и не нашлось ни одного человека, по лицу которого не текли бы слезы умиления при виде на балконе городской ратуши двух знатных дам в простых одеждах, державших на руках таких же прекрасных, как и они сами, малолетних детей»³⁶. К тому же мадам де Лонгвиль была на последнем месяце беременности, что не мешало, впрочем, ей проводить заседания, не выходя из своей комнаты. К концу января, когда войска Конде входили в столицу, она родила мальчика, назвав его без ложной скромности Парисом³⁷...

Несмотря на подобные балаганные сцены, ставшие предвестницами «большого карнавала» Великой французской революции, гражданская война шла своим чередом. Неделю спустя Конде наголову разбил гарнизон Шаретона, при этом противник только убитыми оставил на поле боя около двух тысяч солдат. Но руководителей восстания нисколько не тронула такая жестокость. Кровопролитие никак не могло

испортить им настроение. Пока у стен столицы шли бои, мадам де Лонгвиль устраивала выступления скрипачей в своей комнате (где заседал Большой совет Фронды), а герцогиня Бульонская танцевала. Что же касается самого коадьютера, то ему каждый вечер приводили молоденьких, но уже опытных в любовных делах белошвеек, в объятиях которых он напрочь забывал о политике, находясь целиком во власти наслаждений, весьма предосудительных для духовного лица...

А в окрестностях Парижа бои шли уже не одну неделю. Не разбираясь в политике, разделившей их на две враждующие армии, тысячи солдат королевы и Гонди гибли на поле брани. Бедняги и не догадывались, что они умирали из-за прекрасных глазок молоденькой племянницы продащицы булавок...

* * *

Вскоре Фронда добилась таких значительных успехов, что возникла реальная угроза существованию королевской власти.

Не на шутку испугавшись тревожной ситуации, сложившейся вокруг Парижа, Конде решил принести в жертву Мазарини, чтобы спасти корону. Зная, что народ ненавидит итальянца и довольно сносно относится к Анне Австрийской, он решил подыскать ей нового любовника. Его выбор пал на чванливого щеголя маркиза де Жарзе, часто бывавшего при

дворе. Вызвав его к себе, он сумел убедить маркиза, что королева давно равнодушна к его внешности.

— Ее Королевское Величество, — сказал он, — достигла того возраста³⁸, когда женщинам начинают нравиться молодые люди. Проявите немного любезности, и ваша карьера обеспечена...

В восторге от открывшейся перед ним блестящей перспективы, молодой человек поспешил во дворец и, заручившись поддержкой первой королевской камеристки мадам де Бове, со знанием дела стал разыгрывать роль влюбленного.

Поначалу регентше польстило внимание юноши, и Конде уже решил, что достиг своей цели. Зная горячий темперамент Анны Австрийской, он был уверен, что она не устоит перед бархатным взором маркиза де Жарзе, а это будет означать конец правления Мазарини.

Когда, по его мнению, настал момент для перехода к решительным действиям, он передал молодому человеку записку, в которой было всего лишь одно слово: «Вперед!»

Маркиз только и ждал этого знака. Войдя в гостиную, он встал перед королевой, устремив на нее красноречивый взор. Анна Австрийская, вероятно, не догадывалась о ловушке, подстроенной ей Конде, но, влюбленная в Мазарини, она нашла поведение молодого человека вызывающим.

— Господин де Жарзе, — воскликнула она, — вы ставите себя в смешное положение. Мне сказали, что вы влюблены. Посмотрите на себя со стороны. У вас жалкий вид. Вас сле-

довало бы отправить в больницу для умалишенных. И я ни сколько не удивлена вашему безумству. В вашем роду уже случилось нечто подобное³⁹.

Мадам де Моттевиль, присутствовавшая при этой сцене, добавляет в своих «Мемуарах»: «У бедняги был такой вид, словно его поразила молния. Он вышел из комнаты удрученный и бледный как полотно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.